

Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева
при Президенте Российской Федерации

О договорах

Сборник статей к юбилею
В.В. Витрянского

Ерохова М.А.,
*кандидат юридических наук,
LLM, магистр частного права,
преподаватель Московской высшей школы
социальных и экономических наук*

ВЛИЯНИЕ ДЕВАЛЬВАЦИИ РУБЛЯ НА ДОГОВОР АРЕНДЫ

Вступительное слово

В российской коммерческой практике нередко определение платы по договору аренды привязывают к иностранной валюте. Как представляется, смысл «привязки» заключается в защите кредитора от колебания курса нестабильной валюты. В периоды девальвации рубля юристы начинают активно обсуждать вопрос о возможности изменения «привязанной» к иностранной валюте платы по договору. Суть правовой проблемы можно свести к вопросам: должна ли плата по договору аренды всегда соответствовать среднерыночным ценам и каков механизм корректировки, когда договорная цена из-за девальвации отклоняется от рыночной цены?

В гражданском праве существуют механизмы адаптации цены сделки к изменениям уровня среднерыночных цен. Если сделка изначально была совершена по завышенной или заниженной цене, она оспорима на основании п. 2 ст. 174 ГК РФ как совершенная в ущерб интересам одного из участвующих в ней лиц¹. Если «нерыночная цена» была навязана, договор в этой части может быть изменен или расторгнут судом (п. 2 ст. 428 ГК РФ). В случаях, когда в момент совершения сделки ее цена соответствовала среднерыночным ценам, а потом из-за изменения экономической ситуации это соответствие было нарушено, есть основания для обсуждения возможности применения ст. 451 ГК РФ об изменении или расторжении договора в связи с существенным и непредвиденным изменением обстоятельств.

¹ Например, в п. 93 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского Кодекса Российской Федерации» отмечается, что о наличии явного ущерба свидетельствует совершение сделки на заведомо и значительно невыгодных условиях, например, если предоставление, полученное по сделке, в несколько раз ниже стоимости предоставления, совершенного в пользу контрагента.

Отличие валютной аренды от валютного займа

Проблема адаптации валютных оговорок при резких скачках соотношения курса валют наиболее остро стоит в арендных и заемных отношениях. Однако одинаковое решение для обоих случаев представляется едва ли возможным. В арендных отношениях арендатор получает вещь, платит за пользование ею и через какой-то временной период должен ее вернуть. В заемных отношениях должник получает иностранную валюту¹, платит за пользование ею и должен вернуть заем в этой же иностранной валюте.

В договорах аренды есть к чему адаптировать плату по договору — к рыночным условиям; в договоре займа с точки зрения гражданского права вопрос адаптации договора к новым условиям гораздо сложнее, поскольку полученная от кредитора иностранная валюта должна быть ему возвращена. Иными словами, нет оснований для уменьшения суммы долга, хотя можно обсуждать изменение процентов с целью приспособления к рыночным реалиям

На фоне экономического кризиса меняется рынок аренды, понижаются ставки арендной платы. В то же время рынок валютных займов в целом не меняется, процент по валютным кредитам и до кризиса был ниже, чем по рублевым займам.

Для адаптации договора аренды с валютной оговоркой проще найти гражданско-правовое решение, чем для валютного займа, поскольку сумму займа в любом случае надо отдавать.

Проблема валютных займов должна иметь социальное публично-правовое решение, а проблема валютной аренды может быть решена гражданско-правовым путем.

Хотя в настоящее время в судебной практике встречаются случаи, когда суды общей юрисдикции по иску гражданина к банку пересчитывают долг в иностранной валюте на рубли по курсу, действовавшему при заключении кредитного договора. Наиболее обсуждаемым оказалось дело гражданина, предъявившего к ТЭМБР-банку иск о реструктуризации задолженности по кредиту 2013 г. Истец просил суд перевести долг в рубли по курсу, действовавшему при заключении договора. Суды всех инстанций требование удовлетворили, мотивировав решение ст. 451 ГК РФ². Такое решение по поводу валютного

¹ При валютном займе заемщику открывается валютный счет, на который поступают денежные средства. Заемщик может снять со своего счета рубли, однако это будет покупка рублей у банка.

² https://zakon.ru/discussion/2016/5/31/sudbu_valyutnyh_zajmov_mozhet_opredelit_verhovnyj_sud__v_nego_zhaluetsya_bank_proigravshij_delo

займа опасно тем, что риск изменения соотношения отечественной и иностранной валют полностью возлагается на банк.

В арендных отношениях арендодатель может не иметь долгов в иностранной валюте и при резком удешевлении рубля чрезмерно не обогащаться, поэтому есть основания для адаптации договора аренды гражданско-правовыми методами. В заемных отношениях банк, предоставляющий валютные кредиты, как правило, сам кредитует (до недавнего времени — в иностранных банках), т.е. ему самому нужно будет отдавать взятую в кредит валюту, поэтому адаптация валютных займов к кризисным условиям является более сложной задачей, которую непросто решить методами гражданского права.

Громкий судебный спор

Несмотря на то, что в континентальных странах основной источник права — закон, а не судебный акт, громкие судебные споры часто порождают в среде юристов дискуссии по сложным правовым вопросам.

Такая история произошла в России во второй половине 2015 г., когда на рассмотрении Арбитражного суда г. Москвы оказался спор ПАО «ВымпелКом» с ПАО «Тизприбор» об изменении договора аренды в связи с существенным и непредвиденным изменением обстоятельств, приведших к «нерыночной плате» по договору¹.

В сентябре 2009 г. между ПАО «Тизприбор» (арендодатель) и ПАО «ВымпелКом» (арендатор) был заключен договор аренды нежилых помещений общей площадью более 35 тыс. кв. м сроком на 10 лет. В соответствии с договором расчет арендной платы должен был производиться в рублях, но по курсу доллара США к рублю, установленному Банком России на дату очередного платежа.

На фоне экономического кризиса в ноябре 2014 г. Банк России отказался от режима «управляемого плавающего курса» рубля и перешел к его «неуправляемому рыночному курсу». В результате началась резкая девальвация рубля и за месяц его соотношение с долларом изменилось с 32 до 65 рублей за 1 доллар. Параллельно цены на рынке аренды недвижимости упали. В результате арендатору приходилось платить за пользование помещениями цену, которая была в 4 раза выше рыночной.

Арендатор предложил изменить размер платы, получил отказ и обратился в суд с иском об изменении договора на основании ст. 451 ГК РФ.

Суд первой инстанции иск удовлетворил, отметив, что хотя «повышение курса иностранной валюты в Российской Федерации само

¹ Дело № А40-83845/15.

по себе нельзя расценивать как существенное изменение обстоятельств, повлекших для истца право на изменение договора», однако «значительное повышение рыночной стоимости арендной платы может повлечь неосновательное обогащение, поэтому в целях соблюдения баланса имущественных интересов сторон по договору установлен минимальный и максимальный эквивалент валюты путем внесения изменения в договор аренды нежилых помещений».

Помимо этого в мотивировочной части решения говорилось, что в соответствии со ст. 10 ГК РФ не допускается осуществление лицом своих гражданских прав с намерением причинить вред другому лицу. Получение чрезмерной выгоды за счет арендатора является проявлением недобросовестного поведения арендодателя.

Суд апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменил, в иске об изменении договора отказал, приведя следующие аргументы: «... отказ Банка России от регулирования курса рубля и введение экономических санкций в отношении России сами по себе не являются теми факторами, в результате которых происходит неизбежное снижение курса национальной валюты по отношению к валюте США. Немаловажными факторами в данном вопросе могут быть и иные обстоятельства, такие как: колебание мировых цен на углеводородное сырье, приток иностранного капитала, отток российского капитала в другие страны, стагнация экономики и снижение темпов роста промышленного производства, политическая ситуация в стране, действия стран-эмитентов по укреплению своих валют, поступления валютной выручки от экспортных операций и другое. В конечном счете валютный курс определяет рынок и вся совокупность рыночных факторов. Рост курса рубля по отношению к доллару не является тем существенным обстоятельством, которое нельзя было предвидеть, а все риски изменения ситуации возлагаются на арендатора». Кроме того, в постановлении говорилось, что «нельзя квалифицировать как злоупотребление правом поведение арендодателя, вытекающее из условий действующего договора».

Позиции судов оказались, таким образом, противоположными, и этого достаточно для начала дискуссии. Российское юридическое сообщество разделилось в мнениях по вопросу о том, надо ли менять «привязанную» к иностранной валюте плату по договору при резкой девальвации рубля. По всей видимости, большинство поддерживает отказ арендатору в удовлетворении его иска об изменении договора¹,

¹ *Иванов А.А.* Правовые проблемы действия валютной оговорки в договорах // Вестник экономического правосудия. 2016. № 5. С. 70–79; *Каранетов А.Г.* Девальвация рубля как основание для изменения договора. Опасный поворот // https://zakon.ru/blog/2016/02/06/devalvaciya_rublya_kak_osnovanie_dlya_izmenenie_dogovora_opasnyj_povorot; *Чуприков Д.* К вопросу о девальвации как основании модификации контрактов //

но есть авторы, которые высказываются о необходимости адаптации договоров и валютных оговорок к новой стоимости рубля¹.

Хотелось бы проанализировать аргументы «за» и «против» изменения договоров, поскольку, возникая с неизвестной периодичностью, этот вопрос будет иметь особую актуальность для практики.

Позиция против адаптации договора к новому курсу рубля, или *pacta sunt servanda*

Аргументы против адаптации договоров аренды с валютной оговоркой к девальвации рубля можно разделить на политико-правовые и нормативные. В современной литературе политико-правовые аргументы против адаптации сформулировал А. Карапетов, а нормативные – А. Иванов. Далее приводятся эти аргументы и мои комментарии, но не с целью опровержения, а для демонстрации иной логики рассуждения.

Политико-правовые аргументы А.Г. Карапетова² против адаптации договоров с валютной оговоркой к меняющимся экономическим условиям и мои комментарии:

1. «Идеологически абсолютно неправильно проявлять патернализм в отношении коммерсантов, действующих на свой страх и риск».

Комментарий: представляется, что здесь более общий вопрос, чем патернализм: необходимо ли суду регулировать рынок при возникновении споров о цене между предпринимателями? В случае девальвации валюты основным является вопрос: должен ли суд изменять плату по договору с учетом среднерыночных цен, обеспечивая тем самым отсутствие чрезмерного обогащения одного лица за счет другого? Когда государство выполняет роль ночного сторожа, вмешательство государственного суда в корректировку цен неуместно, оно не соответствует принципу невмешательства государства в дела участников гражданского оборота. В тех случаях, когда в государстве стремятся к всеобщему благоденствию (*welfare state*), задача государственного суда – обеспечивать равновесие в отношениях сторон. В современной России государство не выполняет роль ночного сторожа, оно доволь-

https://zakon.ru/blog/2016/02/08/k_voprosu_o_devalvacii_kak_osnovaniyu_modifikacii_kontraktnyx_obyazatelstv_hardship

¹ Сирота А.Н., Иванова Е.Ю. Девальвация рубля и валютная аренда. Аргументы за и против применения статьи 451 ГК РФ в условиях кризиса // Арбитражная практика для юристов. 2016. № 4; Скловский К.И. Проблемы применения нормы статьи 451 ГК РФ: валютная оговорка и баланс интересов сторон договора // Вестник экономического правосудия. 2016. № 7.

² Карапетов А.Г. Указ. соч.

но активно вмешивается в гражданский оборот и даже ограничивает свободы лиц. Взамен от такого государства ожидается участие в обеспечении баланса интересов сторон договора, когда самостоятельно им договориться не удастся и одна сторона сделки просит помощи от государственного суда в изменении договора из-за меняющейся экономической ситуации.

2. «Вторжения судов и ограничения принципа священности договора чреватых дестабилизацией договорных отношений».

Комментарий: договор не должен быть «удавкой», он не может превращаться в форму несвободы. Если сделка явно невыгодна, право, как правило, предлагает механизмы выхода из ситуации (оспаривание сделки, снижение неустойки, о которой договорились стороны, но которая оказалась несоразмерной нарушению). Выгодность договора сегодня не означает сохранения выгод в будущем, поэтому правопорядок должен предлагать механизмы адаптации сделки к меняющейся ситуации. Отсутствие такого механизма влечет нарастание конфликтов, что негативно скажется на обществе в целом (либо повышение цены, либо банкротство и потеря многими рабочих мест).

3. «Решать вопросы о расторжении и изменении договоров должны будут судьи российских судов, при открытии практики применения ст. 451 ГК крайне вырастают риски коррупции».

Комментарий: боязнь судейского усмотрения – это общая проблема «каучуковых» норм, применение которых зависит от судейской оценки. Такой упрек можно сделать в связи с применением принципа добросовестности, злоупотреблением правом, снижением неустойки, присуждением морального вреда или штрафа за неисполнение судебного акта. Суд отражает состояние общества, судьи – это часть общества, не может быть идеального суда в обществе, переживаем столетия бесправия. Отсутствие идеального суда не означает, что нужно отказаться от «каучуковых» норм. Нужно постепенно общими усилиями, включающими качественную работу представителей в судебных процессах, учиться применять такие нормы. Правосудие невозможно без судейского усмотрения и оценки каждой жизненной ситуации.

4. «Часто расторжение договора по ст. 451 ГК не устраивает истца. Последний нередко хочет оставить договор, но изменить его условия. Изменение договора требует от суда очень высокого уровня профессионализма и понимания экономической логики бизнеса».

Комментарий: этот тезис близок по смыслу к предыдущему, речь идет о неготовности судейского сообщества к применению «каучуковых» норм. Без судейского усмотрения невозможно решение боль-

шинства споров, и все приведенные выше комментарии подходят к этому тезису. Другого суда в России нет, поэтому надо работать с тем, который есть.

5. «Если шлюзы будут открыты и начнет разворачиваться практика применения статьи 451 ГК, в суды пойдет такой вал исков, что это может просто похоронить судебную систему».

Комментарий: этот аргумент представляется наиболее слабым. Если не адаптировать долгосрочные договоры к меняющейся экономической ситуации, то многие организации обанкротятся, что в немалой степени способно перегрузить судебную систему. Представители бизнеса не любят вторжения третьих лиц в их сделки, поэтому достаточно нескольких решений суда о модификации договора в связи с изменившейся экономической обстановкой, юристы сделают вывод, что суд меняет договор и все начнут договариваться об изменении договора самостоятельно. Несколько положительных дел об изменении договора судом могут остановить волну «банкротных» дел, снизив тем самым судебную нагрузку.

По такому пути развивалась Германия. До Первой мировой войны немецкая судебная практика не признавала доктрину существенного изменения обстоятельств в качестве основания для изменения договора. В начале XX в., когда страна переживала инфляцию и девальвацию, суды приняли несколько решений об изменении договора¹. Эта единичная практика на вызвала вал исков об изменении договоров, поскольку контрагенты стали сами вносить изменения в договор, не желая судебного вторжения в их сделку².

Теперь рассмотрим нормативные аргументы А. Иванова³ против адаптации договоров с валютной оговоркой к меняющимся экономическим условиям и мои комментарии:

1. «Валютная оговорка лишает возможность корректировать цену. Ее смысл в защите от колебания цен... Это проявление принципа номинализма».

Комментарий: вопрос о том, от какого колебания цен защищает валютная оговорка, является наиболее дискуссионным в литературе по частному праву. Есть три варианта ответа на него:

¹ В сентябре 1920 г. Третий Сенат Reichsgericht изменил условия договора аренды, установив, что плата должна соответствовать среднерыночной ставке. Мотивы суда: экономическая невозможность для арендодателя работать в убыток (см.: Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. М., 1998. С. 263, 264. Обзор немецких судебных решений начала XX в. представлен в блоге Д. Чуприкова на портале: Закон.ру

² Цвайгерт К., Кетц Х. Указ. соч.; *Unexpected Circumstances in European Contract Law* / Ed. by E. Hondius and H.C. Grigoleit. Cambridge University Press, 2011. P. 61–64.

³ Иванов А.А. Указ. соч.

- валютная оговорка защищает от любого колебания цены;
- валютная оговорка защищает от постепенного изменения соотношения валют, но не от резких скачков их курса; на случай резких скачков должны применяться правила о модификации договора при существенном непредвиденном изменении обстоятельств;
- действие валютной оговорки зависит от волеизъявления сторон: если есть оговорка о том, что она защищает от любого колебания цен, то договор изменению не подлежит; если такой оговорки нет, то от резких скачков валютных курсов оговорка защищать не должна¹.

Таким образом, вывод о том, что оговорка защищает от любого колебания валют, является одним из возможных, но не универсальным подходом.

Довольно гибким и перспективным представляется подход, заключающийся о том, что смысл валютной оговорки – это вопрос конкретного дела и толкования воли сторон, которая может быть видна из переписки что велась до заключения договора.

2. «Как минимум два условия из четырех п. 2 ст. 451 ГК РФ, которые необходимы для того, чтобы изменить или расторгнуть договор вследствие существенного изменения обстоятельств, не выполняются при девальвации рубля осенью 2014 г. В силу п. 2 ст. 451 ГК РФ для модификации договора судом должны быть следующие условия в совокупности:

- в момент заключения договора стороны исходили из того, что такого изменения обстоятельств не произойдет. Применительно к валютной оговорке полагать, что курс доллара США к рублю ощутимо не вырастет, невозможно. История России в XX и XXI вв. показывает, что значительное обесценивание национальной валюты происходило регулярно: в 1917–1921, 1929–1933, 1941–1945, 1959–1960, 1989–1991, 1998–1999, 2008–2009 гг. При таких обстоятельствах стороны договора аренды должны были исходить из того, что значительный рост курса доллара США по отношению к рублю не просто предсказуем, а весьма вероятен;
- изменение обстоятельств вызвано причинами, которые заинтересованная сторона не могла преодолеть после их возникновения при той степени заботливости и осмотрительности, какая от нее требовалась по характеру договора и условиям оборота;
- исполнение договора без изменения его условий настолько нарушило бы соответствующее договору соотношение имущественных интересов сторон и повлекло бы для заинтересованной стороны такой

¹ *Hirschberg E. The Impact of Inflation and Devaluation on Private Legal Obligations. Bar University. Ramat-Gan. Israel, 1976. P. 53–55; 91, 92.*

ущерб, что она в значительной степени лишилась бы того, на что была вправе рассчитывать при заключении договора;

– из обычаев или существа договора не вытекает, что риск изменения обстоятельств несет заинтересованная сторона. ПАО «Вымпел-Коммуникации» (ВымпелКом) – арендатор по договору – является коммерческой организацией и самостоятельно несет риск увеличения курса доллара США к рублю. Оно отвечает независимо от вины (п. 3 ст. 401 ГК РФ), а значит, принимает на себя последствия случайных потерь. Применительно к отношениям сторон договора рост платежей арендатора относится к таким случайным потерям.

Изменение государством своей финансовой политики, приведшее к ослаблению рубля, относится к предпринимательскому риску, который должны нести коммерческие организации. Вместе с тем оно не относится к обстоятельствам непреодолимой силы (форс-мажору), поскольку не обладает свойством чрезвычайности и непредотвратимости (п. 1 ст. 202 ГК РФ)».

Комментарий: доводы А. Иванова сводятся к тому, что резкое изменение курса рубля осенью 2014 г. нужно было предвидеть, а риск изменения валюты возлагается на арендатора, так как он коммерсант.

С учетом развития России за последние 20 лет можно предвидеть, что курс рубля по отношению к доллару будет расти, но резкий скачок – это всегда неожиданность. Так произошло осенью 2014 г., когда Банк России отказался от «плавающего» курса рубля.

Позиция, согласно которой резкое изменение курса рубля надо было предвидеть, свидетельствует, что на политику и обещания Банка России коммерсантам полагаться нельзя. Банк России обещал постепенное плавное изменение курса рубля, однако, когда высказывается мнение, что лица все равно должны были предвидеть отказ Банка от поддержания курса рубля, это значит, что на обещания власти полагаться нельзя. На обывательском уровне это вполне возможное суждение, однако в системе права так быть не может (она на то и система, в которой действие влечет следствие). В системе права, если власть поступила не в соответствии с данным ею обещанием, правопорядок должен обеспечивать адаптацию отношений к новым условиям или, когда власть не имела права отступить от обещания, возмещение убытков за ее незаконные действия.

Банк России имел право отказаться от поддержки «плавающего» курса рубля, так как экономика была названа рыночной. Значит, остается механизм адаптации договоров к новой цене рубля.

В недавней публикации С. Халатова (в Интернете на сайте Закон.ру) приводятся ссылки на отчеты ПАО «ВымпелКом», в которых Совет директоров среди рисков учитывает рост курса доллара по отноше-

нию к рублю¹. В отчетах говорится о возможном росте курса рубля. Про резкий скачок осенью 2014 г. прогнозов никто не давал, а проблема адаптации договора к новым условиям порождена именно резким изменением курса рубля².

Мнение о том, что риск изменения курса рубля всегда должен лежать на одной стороне договора, поскольку это предпринимательские отношения, означает, что ст. 451 ГК РФ вообще не должна применяться в коммерческих отношениях.

Все риски можно разделить на объективные и субъектные. Субъективные риски не касаются общества в целом и поэтому возлагаются на контрагента. Например, гибель вещи из-за удара молнии. Объективные риски, напротив, касаются общества в целом и, как представляется, должны распределяться между контрагентами. Общая проблема, касающаяся всех, не может возлагаться как риск на одного контрагента³.

Обоснование необходимости адаптации договора к новому курсу рубля или *clausula rebus sic stantibus*

Игнорирование того, что экономическая ситуация меняется и договор становится крайне обременительно исполнять, как правило, влечет уход мелкого и среднего бизнеса с рынка через процедуры банкротства, порождая помимо прочего безработицу. Представители крупного бизнеса, если заключенный ими договор становится невыгодным, скорее всего, будут постепенно поднимать цены на услуги, возлагая тем самым негативные последствия меняющейся экономической ситуации на потребителей. С учетом названных обстоятельств адаптация договоров к новым экономическим условиям является способом обеспечения так называемого социального благоденствия (это общепризнанный ориентир современных цивилизованных государств – *welfare state*)⁴.

¹ Халатов С. Доказывание предположения об изменении обстоятельств на примере дела «ВымпелКом против Тизприбор» // https://zakon.ru/blog/2016/6/7/dokazyvanie_predpolozheniya_ob_izmenenii_obstoyatelstv_na_primere_dela_vympelkom_protiv_tizpriborado

² Рассуждения о непредсказуемости резкого падения рубля осенью 2014 г. см.: Скловский К.И. Проблемы применения нормы статьи 451 ГК РФ: валютная оговорка и баланс интересов сторон договора // Вестник экономического правосудия. 2016. № 7.

³ О распределении общих экономических проблем между всеми членами общества см.: Hirschberg E. Op. cit. P. 91. В русскоязычной литературе о распределении рисков см.: Скловский К.И. Указ. соч.

⁴ В теории права и политической науке дискурс о том, каким должно быть государство – «ночным сторожем» или регулятором всеобщего благоденствия, ведется настолько давно, что сложно дать ссылку на ученого, первым затронувшего эту проблему. Мне запомнились рассуждения по вопросу Р. Дворкина, поэтому на его работу привожу

Со вступлением в силу в 1995 г. нового Гражданского кодекса РФ в российском праве появилась специальная норма (ст. 451 ГК РФ) об адаптации договора к изменившимся обстоятельствам. Однако в российской судебной практике применение этой статьи «парализовано»: более 20 лет суды преимущественно занимают позицию, согласно которой никакие обстоятельства не относятся к существенным и непредвиденным, дающим право на изменение договора¹.

Такой настороженный подход судов позволяет предположить, что за нежеланием применять ст. 451 ГК РФ стоит страх перед неизвестными последствиями вторжения суда в договор. Право модификации судом договора можно сравнить с новым сильнодействующим медицинским препаратом, который не прошел период апробации, и врач боится выписывать его пациенту.

В западноевропейском праве долгое время сохранялась похожая ситуация: ученые спорили о том, ограничен ли принцип свободы договора принципом его действия при неизменных обстоятельствах, при этом суды не вторгались в договоры при изменении экономического фона, на котором они были заключены².

Ситуация стала меняться в XX в. на фоне инфляции и девальвации валют после Первой мировой войны. Для России западноевропейский опыт представляет, на мой взгляд, большой интерес, поскольку за последнее столетие европейские суды апробировали модификацию договоров при существенном изменении обстоятельств и никакого вреда бизнесу и правопорядку в целом эта практика не принесла, а, напротив, явилась одним из методов построения государств всеобщего благоденствия (*welfare state*). Иными словами, апробацию сильнодействующего препарата провели в Западной Европе, после чего у пациентов явно выраженных негативных последствий выявлено не было.

Немецкий профессор Х.К. Григоле разделяет европейские юрисдикции на открытые, допускающие вторжение суда в договор, и закрытые, крайне настороженно относящиеся к модификации договора судом³. К странам с открытыми юрисдикциями относятся большинство континентальных стран, в первую очередь Германия и Италия. К странам с закрытыми юрисдикциями до недавнего времени относились

ссылку, хотя он не первый и не последний, кто рассуждал о пределах вторжения суверена в частные отношения с использованием этих устоявшихся терминов (см.: *Dworkin R. Law's Empire*. Oxford. 1998. P. 288–295).

¹ Обзор практики приведен в статье А.Н. Сироты и Е.Ю. Ивановой (*Сирота А.Н., Иванова Е.Ю. Указ. соч. С. 33–34*).

² О соотношении принципов *pacta sunt servanda* и *clausula rebus sic stantibus* см.: *Unexpected Circumstances in European Contract Law / Ed. by E. Hondius and H. C. Grigoleit*. Cambridge University Press, 2011. P. 15–32.

³ *Ibid.* P. 10.

Франция и Великобритания. В ходе реформы обязательственного права в ГК Франции с 2016 г. включена новая статья – 1195, которая дает право суду при наличии непредвиденных обстоятельств, сделавших исполнение договора обременительным, изменить или расторгнуть его¹. В настоящее время к странам с открытыми юрисдикциями относятся континентальные западноевропейские страны, а страной с закрытой юрисдикцией остается Великобритания.

Любопытно, что в начале XX в., когда перед судами ставился вопрос об изменении договора в связи с непредвиденными обстоятельствами, в европейских кодексах отсутствовали специальные нормы, дающие право на модификацию договоров. Немецкие суды, которые одними из первых стали изменять договоры, мотивировали свои решения § 242 ГГУ о добросовестности: несправедливо возлагать бремя изменившихся обстоятельств только на одну сторону, необходимо равномерно распределять экономические тяготы между сторонами².

В тех европейских кодексах, в которых до настоящего времени не появилось специальных норм о модификации договоров, традиция изменения или расторжения договора на основании принципа добросовестности и недопустимости чрезмерного обогащения одного лица за счет другого сохраняется.

Ярким примером явилось дело, оказавшееся на рассмотрении Верховного Суда Бельгии в июне 2009 г. В 2004 г. стороны заключили долгосрочный договор купли-продажи стальных труб. После заключения договора цена на сталь неожиданно выросла на 70 %. Продавец требовал изменения цены в договоре, поскольку ему приходилось работать в убыток. Покупатель от переговоров отказался. Судьи решили, что непредвиденный рост цен создал серьезный дисбаланс, который делает невозможным будущее исполнение договора, поскольку приносит убытки продавцу, обогащая покупателя. Решение было мотивировано общими рассуждениями о злоупотреблении правом и недопустимости чрезмерного обогащения стороны договора за счет контрагента из-за экономических изменений³.

Мотивы решения бельгийского суда напоминают мотивы Арбитражного суда г. Москвы по делу *ВымпелКом против Тизприбор*, однако позиция российского суда вызывает недоумение из-за наличия специальной нормы (ст. 451 ГК РФ), которую суд отказался применять, уйдя

¹ См. выступление проф. Д. Филиппе на Международном юридическом форуме по теме «Непредвиденные обстоятельства: опыт Франции и Бельгии» от 19 мая 2016 г. на заседании круглого стола о ведении бизнеса в России в эпоху экономических перемен. http://www.spblegalforum.ru/ru/2015_Video_Archive

² *Сирота А.Н., Иванова Е.Ю.* Указ. соч.; *Grigoleit H. C.* Op. cit.

³ <http://cisgw3.law.pace.edu/cases/090619b1.html>, см. там же выступление Д. Филиппе.

в рассуждения о добросовестности сторон договора и недопустимости чрезмерного обогащения одной из них за счет другой.

В ходе реформы обязательственного права в Германии в 2002 г. в ГГУ были включены две статьи — об изменении или расторжении договора из-за существенных непредвидимых обстоятельств (ст. 313) и о расторжении долгосрочного договора, который стал обременительным для одной из сторон (ст. 314).

В качестве одного из условий для изменения договора в абз. 1 § 313 ГГУ предусматривается существенное нарушение соразмерности встречных обязательств, так называемое нарушение эквивалентности (*Äquivalenzstörung*). Наиболее яркий и близкий к договору о долгосрочной аренде пример — это плата за наследственное право застройки, возникшее в начале XX в. Немецкие суды несколько раз сталкивались с делами об изменении такой платы. Суд исследовал увеличение размера прожиточного минимума, а также отклонение от нынешних среднерыночных цен. Отклонение на 10% признано достаточным. В немецкой литературе неоднократно высказывалось мнение, что § 313 ГГУ ограничивает принцип *pacta sunt servanda* в интересах договорной справедливости¹.

В современном праве символом возможности изменить договор при существенном изменении обстоятельств, которые повлекли явную обременительность его исполнения, является ст. 6.2.20 Принципов международных коммерческих договоров (Принципов УНИДРУА). Эти Принципы разрабатываются европейскими учеными и являются своеобразным источником «мягкого» права, которое не имеет общеобязательной силы, но служит ориентиром развития частного права.

В ст. 6.2.2 Принципов описываются затруднения, которые существенным образом изменяют равновесие договорных обязательств. Какие именно случаи могут относиться к таким затруднениям, — это вопрос конкретного дела и судебского усмотрения. Виды возможных затруднений приводятся в иллюстрациях к указанной статье. Для проблем девальвации интерес представляет иллюстрация № 3:

«В договоре купли между А и В цена выражена в валюте страны X. Эта валюта медленно обесценивалась по отношению к основным валютам в период до заключения договора. Через месяц после заключения договора политический кризис в стране X приводит к массовой девальвации — порядка 80% — стоимости валюты. Если обстоятельства не указывают на иное, это событие является случаем затруднения, поскольку такое ускорение падения стоимости валюты страны X было

¹ MüKoBGB zur § 313, 7. Aufl. 2016. Rn. 28. Благодарю М. Степанчука за перевод текста с немецкого языка.

непредвиденным. Следовательно, договор может быть расторгнут или изменен судом»¹.

Ссылки на европейский опыт не являются попыткой доказать, что европейские суды постоянно меняют условия договоров. Отнюдь нет, стороны, как правило, находят выход из возникающих проблем самостоятельно. Обращение в суд с целью его изменения судом — это опция. Сработает ли она, — это вопрос конкретного дела: о чем именно договаривались стороны, какой смысл вкладывали в валютную оговорку, действительно ли скачок валюты резкий и его нельзя было предвидеть? Важно признать, что в принципе существует возможность изменить договор при девальвации валюты, однако в России эта возможность пока отрицается.

Статью 451 ГК РФ хотелось бы рассматривать как способ корректировки «нерыночной» цены.

Деньги по своей природе не представляют никакой ценности. Свойством мерила ценностей их наделяет государство-эмитент через свой главный банк². Когда стороны сделки договорились о цене, они тем самым сделали «привязку» к политике государства. Предвидеть изменение этой политики и ее влияние на стоимость денег обычно не под силу разумному участнику гражданского оборота³.

Принцип номинализма плох тем, что последствия действия властей, которые находятся вне сферы контроля участников гражданского оборота, возлагаются в итоге на таких участников.

Развивающееся во второй половине XX столетия учение о существенном изменении обстоятельств может стать теоретическим основанием для корректировки цен: когда стороны достигли соглашения о цене, она была адекватна рынку и оспаривать сделку как невыгодную или совершенную на несправедливых условиях оснований не было, однако по истечении трех и более лет (за пределами исковой давности на оспаривание сделки по названным основаниям) происходит резкий скачок цен (в результате инфляции или девальвации валюты) и сторона сделки начинает исполнять обязательство себе в убыток. Изменение или расторжение договора из-за непредвидимой невыгодности сделки — это хороший механизм, направленный на обеспечение равновесия прав сторон сделки.

В случаях с валютными оговорками в договорах аренды список условий, предусмотренных ст. 451 ГК РФ, может быть дополнен дру-

¹ Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010 / Пер. с англ. А.С. Комарова. М.: Статут, 2013. С. 221.

² *Hirschberg E.* The Impact of Inflation and Devaluation on Private Legal Obligations. Bar University. Ramat-Gan. Israel, 1976. P. 77.

³ Рассуждения взяты из работы: *Hirschberg E.* Op. cit. P. 81–83.

гими критериями, которые демонстрируют нарушенное равновесие в отношениях:

— отсутствие валютной выручки у должника по договору с валютной оговоркой;

— отсутствие валютных долгов у кредитора;

— добровольное изменение договоров большинством контрагентов на рынке, оказавшихся в похожей ситуации.

Будущее неизвестно людям, поэтому во благо общества долгосрочные договоры должны иметь механизм для пересмотра. Это может быть как право суда изменить или расторгнуть договор из-за изменившихся условий, так и специальная норма, аналогичная § 314 ГГУ, о праве суда расторгать долгосрочные договоры, выполнение которых стало с течением времени обременительным.